

ГЛАВА 3

Седьмое доказательство¹

Аркан 3. Наименования: *Императрица, Царица, Природа.*

Буква евр. алф. (двойная): λ *Гимел.*

Иероглиф: *Берущая ладонь.*

Числовое значение: 3.

Гностический символяриум: *Божественная Среда; Вода; Порождение; Творящее Лоно; Исток; Ева; Женское Начало; Триипостасная Полнота.*

Графический символ: Δ *Треугольник.*

Астральный знак: ♀ *Венера.*

¹ Берлиоз демонстрирует восстание против божественной природы человека. Аннушка и комсомолка-вагоновожатая выступают в качестве мойр, перерезающих нить его жизни. Осуществляется это при помощи трамвая-“колесницы” 7-го аркана. — Отсюда и название главы.

Орденское описание. В тронном зале Природы сидит её символическая душа и повелительница. С двумя колоннами Йакин и Бохас, аллегориями поделённой пополам Истины, она образует надмирное триединство, являясь в пределах сотворённого мира посюсторонним аргументом — антитезой Любви Небесной. В её руках скипетр, представляющий собой крест Иоанна Крестителя с навершием в виде плеромного шара. Во фронтальной проекции на плоскость это астральный знак Венеры и в то же время знак космической полноты земной природы, фюсиса.

Аркан *Императрица* гностически соответствует семантике слова «самообладание» и Пушкинской формуле «Учитесь властвовать собой». Царское достоинство Императрицы обеспечено вечным нахождением *при родах*; в этом смысле она есть высшее выражение духа творчества, евангельского умножения талантов, бесконечного приятия и впитывания в себя божественных даров (харизмы), абсолютной внимательности к *гласу Небес* и сосредоточенности на *воспроизводстве* его велений в материи (материале). Она — Весть жизни, Ева-ангелие. Орёл (один из её концептуальных атрибутов) и его *парение* символизируют стихию воды, превратившейся в *пар* в жарких лучах солнца.

Императрица украшена венцом-нимбом из 12 звёзд, олицетворяющих знаки Зодиака. Это 12 одинарных букв еврейского алфавита. Это и 12 «домов» Солнца, и в этом случае Императрица — его *домоправительница*. Символическая планета Императрицы — Венера; появляясь на вечернем небе, она выводит за собой хором вод остальных планет и звёзд ночного неба.

Мистический тоннель кончился. Все участники путешествия в Ершалаим вновь оказались в исходной точке. *Появилась публика*, бродящая по трём сторонам квадрата, *кроме той, где были наши собеседники*. Это значит — гуляющая “покоем”, ещё не “вечным”, но уже “вечерним”. С Патриарших доносятся “смешки какой-то гражданки в лодочке”, позже мы узнаем, что это Маргарита в “лёгкой лодочке” своих грёз о Мастере.

Очнувшийся от прострации Берлиоз пытается сделать вид, что всё “вернулось на круги своя”... да круги эти оказались вдруг “не своей тарелкой”.

Редактор посылает профессору убийственный смеш — но тому только смешно: он возвращает ему его же прозвучавшие накануне сентенции о совершенной исторической недостоверности Евангелий. Ползучая въедливость “безрелигиоза”, стряхнув *дьявольское наваждение*, требует *п о д т в е р ж д е н и й* (сиречь распятия пустомели на кресте Т — «твёрдо»). Приходится Воланду раскрыть своё инкогнито, после чего его “собезумие” с Иешуа стало для соскамеечников *очевидно*. Собственно, видно было только в *левом* глазу, ибо *правый* был пуст, чёрен и мёртв. Что и, отметим мы про себя, не удивительно: правый это правая (для публики) Колонна Кабалистического древа; она занята Ведомством Милосердия, потому и зашторена. Зато левый, цвета «изумрудной скрижали», — Колонна Справедливости — ясно говорил двум богоборцам, что разговорившийся не на шутку — *снятил*, вот тебе и *раз!* — Короче, *распят*.

— *А вы один приехали или с супругой?*

— *Один, один, я всегда один, — горько ответил профессор.*

Дублетность этого ответа с ответом Иешуа на подобный вопрос Пилата указывает на теологические глубины, заключённые в нём, несмотря на всю карнавальность ситуации. Сюда же относится и ответ “*Нигде*” на вопрос “Вы где остановились?” — Действительно, дурацкая постановка; следовало интересоваться: *на чём?* Симметричны ершалаимской сцене и *сигналы*, посылаемые Берлиозом поэту. Редактор даже успокаивает профессора, “инъецировав” ему наркотическое словечко «возможно».

События нарастают лавинообразно, не оставляя времени для реверансов.

Звучит *убийственный* вопрос, обращённый к одному Бездомному, псевдотоварищу по *нигде*:

— *А дьявола тоже нет?*

Ещё можно было узнать, ещё можно было свернуть, ещё можно было изменить судьбу. Но — что у хитрого на уме, то у глупого на языке.

— *Нету никакого дьявола! — растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно.*

Тогда начинает звучать ещё один опознавательный знак — знаменитый *дьявольский хохот*.

Даже воробей над головой догадался и выпорхнул, *потрясён*, из раскидистой липы.

Никакого эффекта. Нуль. Очко в унитазе.

Тут иностранец *раздражился и крикнул сурово*:

— *Так, стало быть, так-таки и нету?*

Видит Бог, он буквально за шиворот пытался оттащить Берлиоза от вертушки. Да “анатолистей” Михаила Александровича человека найти было трудно (барбос Бездомный не в счёт): ласковый фальшивец упорно карабкался по столбу с надписью “Не влезай — убьёт!”.

— *Но умоляю вас на прощанье, — запросил пардону “шаляпин странный”, — поверьте хоть в то, что дьявол существует! О большем я уж вас и не прошу.*

Срезает наповал это самое “о большем”, скромное довольствование “меньшим”, что, впрочем, сразу обнаруживает речь Старшего Брата. Такой “предсмертный” дьявольский кенозис, карнавальность которого заключается только в направленности поражающей стрелы, является уже не намёком, а почти нудистским — по нужде — самообнажением. — Воистину, «нудится Царствие Божие»! “Луначарский”, поигрывая *именным* оружием — полной духовной глухотой и слепотой, способен лишь на стравинскую снисходительность к *рехнувшемуся* иностранцу, и не более. — Будет с больного.

Ну что ж, *рéши* так *рéши*. —

Что сделаешь, если человек не *орёл!*?

И начинается трагифарс “седьмого доказательства” — доказательства *Колесницы*. Обрушивается каскад хохм (документы — “липовые”, соответственно месту действия; в *Киеве* — дядя, ожидающий племянника *под кустом бузины в огороде*; колокольный позыв последнего “звонить” в надежде, что с *неизвестным* распра-

вятся, как Шарик с совой), а вслед за ними появляется и сам их автор — тощий тип “из жирного зноя”, джокер-жокей и церковный регент по совместительству. Он тут, в углу Патриарших, пристроился “диспетчером” у турникета. Даже перед воротами в смерть он “нагло” клянчит бакшиш “за указанье”. И никто не обращает внимания — у Берлиоза в этот момент возникла *самая последняя* возможность зацепиться за жизнь. Представим себе, что Берлиоз останавливается и с чисто русской щедростью отваливает *попрошайке* “от полноты души”... — Пока он лезет в карман, *трамвай проскакивает* злополучное место!

По жлобству редактора, игра Коровьева была безнадежной; она не сработала, как известное «дай руку!» утопающему богачу. Берлиоз маниакально минует последний спасительный выступ... Меркурий, он же вертугия-турникет, достаёт опасную бритву... В том, что *Бога нет*, Берлиоз *ручался головой* — и просчитался. *Ноль полной луны* подвёл итог “мистеру иксу” перед тем, как он развалится на *куски*.

Символ 20-го аркана выбросило под откос, под *решётку* (!) Патриаршей аллеи.

P.S. Представляет некоторый гностический интерес странное для лингвистического пейзажа Москвы 20-х годов слово «рогатка», *за которую решил было вернуться осторожный Берлиоз*. Это остатки той *копытности* и *рогатости*, коей по идее должен бы быть награждён носитель дьяволического начала. «Рогатки» — поперечные жерди при устройстве загона для скота, отсюда идиоматический оборот «цензурные рогатки». Как обиходное это слово исчезло ещё на беллетристических просторах XIX столетия, но Булгаков не мог обойтись без столь яркого термина пророческого языкового хозяйства (вспомним *рога* Моисея, *рожон* Христа и Даниила и т. д.). *Рогатка* Патриарших и *рогатка* Ситника — это всё что осталось от дьявольских рожек Мефистофеля с канонических его изображений.